

СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ

**ДРЕВНЕ-РУССКИЕ
ПОВЕСТИ
И СКАЗАНИЯ
О СМУТНОМ
ВРЕМЕНИ
XVII ВЕКА, КАК
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК**

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ПЗ7

Платонов, С.

ПЗ7 Древне-русские повести и сказанія о Смутном времени XVII века, как исторический источник / С. Платонов. – М. : T8RUGRAM. – 352 с.

ISBN 978-5-519-62090-1

Сергей Фёдорович Платонов (1860–1933) – известный русский историк, член Российской академии наук, оставивший после себя множество ценных для отечественной историографии работ.

Времена Смуты – наиболее интересный для Платонова период русской истории. Именно ему посвящены такие работы, как «Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века» и «Смутное время». Однако учёный понимал, что прошлое невозможно изучать без тщательной проработки источников. В данном издании представлены наиболее важные произведения старины о Смутном времени.

Эта книга представляет собой настоящую ценность для исследователей истории России.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

I	5
II	89
III	135
IV	239
V	283

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

Эпоха смуты, постигшей Московское государство въ началѣ XVII вѣка, создала въ древне-русской письменности рядъ литературныхъ произведеній, посвященныхъ изображенію и обсужденію событій смутнаго времени. Нѣсколько такихъ произведеній появилось еще до прекращенія смуты. Время Михаила Феодоровича было особенно богато сказаніями о смутѣ: многіе очевидцы смуты спѣшили записать свои воспоминанія о ней и оставили по себѣ обширные, богатые фактами и иногда даже художественные по своей формѣ труды. Люди второй половины XVII вѣка съ большимъ интересомъ относились къ событіямъ самозванщины и собирали въ компилятивные сборники какъ раннія повѣствованія очевидцевъ смуты, такъ и позднія преданія о смутѣ, принимавшія иногда легендарный колоритъ. Всѣ эти разно-временныя произведенія въ огромномъ количествѣ списковъ перешли въ XVIII вѣкъ, сохранились и до нашего времени.

По характеру своему они представляютъ большое разнообразіе литературныхъ типовъ. Большинство изъ нихъ носитъ названіе „повѣстей“ (рѣже „сказаній“) и заключаетъ въ себѣ простое повѣствованіе о тѣхъ или другихъ событіяхъ и дѣятеляхъ смутной эпохи. Рядомъ съ повѣстями встрѣчаемъ и „житія“, содержаніе которыхъ иногда выходитъ за предѣлы простой біографіи: таковы, напримѣръ, многочисленныя редакціи житія царевича Димитрія, повѣствующія не только о жизни и кончинѣ царевича, но и о началѣ смуты вообще. Нѣкоторые произведенія называются „лѣтописцами“ и дѣйствительно имѣютъ характеръ подробной лѣтописи, какъ напримѣръ, Новый Лѣ-

топищецъ. Нерѣдко разсказомъ о смутѣ заканчивается тотъ или другой видъ „хронографа“. Извѣстны статьи о смутѣ и въ особой редакціи „Степенной книги“ (такъ-называемой Латухинской). Наконецъ, рядомъ съ трудами о смутѣ строго повѣствовательными можно указать и публицистическія и дидактическія произведенія, написанныя съ чисто практическими цѣлями.

Но при большомъ разнообразіи формъ и приѣмовъ изложенія всѣ древне-русскія произведенія о смутѣ со стороны своего содержанія представляютъ единую, вполне самостоятельную категорію источниковъ для изученія смуты наряду съ официальными документами и записками иностранцевъ. Въ качествѣ историческаго матеріала русскія сказанія о смутномъ времени еще въ прошломъ вѣкѣ привлекали вниманіе изслѣдователей. Однако начитанность историковъ XVIII вѣка въ лѣтописной литературѣ о смутѣ не шла далѣе извѣстнаго Сказанія Авраамія Палицына, Новаго Лѣтописца и немногихъ хронографовъ. Только въ нашемъ вѣкѣ Н. М. Карамзинъ достигъ рѣдкаго, для его времени изумительнаго, знакомства съ рукописными текстами самыхъ разнообразныхъ сказаній о смутномъ времени. Многочисленные выписки изъ сказаній въ послѣднихъ томахъ „Исторіи Государства Россійскаго“ и до сихъ поръ нерѣдко замѣняютъ ученымъ первый источникъ и сохраняютъ за трудомъ Карамзина свѣжесть какъ бы современнаго намъ изслѣдованія. Послѣ Карамзина сознаніе важности этого рода источниковъ для исторіи смуты крѣпло болѣе и болѣе, и въ настоящее время нѣтъ, конечно, необходимости доказывать историческую цѣнность частныхъ русскихъ извѣстій о смутной эпохѣ.

Но Карамзинъ, впервые вводя въ научный оборотъ массу новаго и цѣннаго матеріала изъ прочитанныхъ имъ сказаній, не могъ, разумѣется, точно оцѣнить каждый памятникъ со стороны его состава и достоинства его показаній. Хотя многіе изъ рукописныхъ источниковъ Карамзина уже изданы и кругъ намъ извѣстныхъ сказаній сталъ значительно шире, тѣмъ не менѣе критическое изученіе этихъ сказаній во всей ихъ совокупности составляетъ и до сихъ поръ еще не выполненную задачу въ нашей исторіографіи. Нельзя утверждать, что потребность точнаго знакомства съ русскими повѣствованіями о смутѣ можетъ удовлетвориться краткими замѣтками о нѣкоторыхъ памятникахъ, разбѣланными въ VIII и IX томахъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, въ „Обзорѣ хронографовъ русской редакціи“ А. Н. Попова и въ иныхъ трудахъ.

Предлагаемый трудъ имѣетъ цѣлью удовлетворить этой потребности систематическимъ обзорѣмъ древне-русскихъ литературныхъ произведеній, касающихся смутнаго времени. Не ограничиваясь изученіемъ только изданныхъ памятниковъ, но стремясь собрать и всѣ уцѣлѣвшія до нашего времени рукописныя повѣствованія, авторъ однако не увѣренъ, что достигъ въ этомъ отношеніи полнаго успѣха: не всѣ древлехранилища были ему доступны.

I.

Въ ряду русскихъ повѣствованій о смутномъ времени такъ называемому Иному Сказанію принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Его фактическія данныя были очень популярны въ XVII вѣкѣ, и составители позднѣйшихъ редакцій хронографовъ охотно вносили эти данныя въ свои труды. Благодаря этому и въ научной литературѣ нашего вѣка показаніями Инаго Сказанія пользовались весьма часто, хотя въ своей первоначальной формѣ оно стало извѣстно только съ 1853 г., когда было издано И. Д. Бѣляевымъ съ его предисловіемъ во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, кн. XVI. Карамзинъ былъ знакомъ съ Инымъ Сказаніемъ лишь по сокращенной его передѣлкѣ, о которой будетъ сказано ниже, и по извлеченіямъ въ хронографахъ¹⁾. Со времени же изданія Сказанія имъ пользовались всѣ изслѣдователи смуты, а С. М. Соловьевъ далъ его краткую характеристику, отмѣтивъ отсутствіе въ немъ объективности²⁾.

Иное Сказаніе въ своемъ полномъ составѣ встрѣчается довольно рѣдко³⁾. Намъ извѣстны только два его списка. Одинъ, съ котораго Сказаніе было издано И. Д. Бѣляевымъ, принадлежалъ П. М. Строеву и хранится въ Погодинскихъ рукописяхъ Имп. Публ. Библіотеки⁴⁾. Другой принадлежитъ Московскимъ Публичному и Румянцевскому

¹⁾ Это видно изъ его ссылокъ въ Исторіи Государства Россійскаго: принятія въ т. X: 221, 385, 397; въ т. XI: 194, 199, 252, 263, 272, 322, 331, 348, 402, 406, 530 и др.

²⁾ Ист. Россіи, IX, гл. V, по изд. 1875 г. стр. 422—423.

³⁾ Таково мнѣніе и составителя Отчета Моск. Публ. и Рум. Музеевъ за 1876—1878 гг. М. 1879, стр. 95.

⁴⁾ № 1503. Писанъ двумя почерками XVII в., скорописью, въ 4-ю долю, на 391 л., съ оглавленіемъ и приписками руки П. М. Строева. Иное Сказаніе находится на лл. 242—391.

Музеямъ ¹⁾. Оба списка писаны въ XVII вѣкѣ и не представляютъ сколько-нибудь важныхъ вариантовъ. И въ томъ, и въ другомъ Сказаніе слѣдуетъ за Сказаніемъ Авр. Палицына, какъ бы въ видѣ дополненія къ нему. Объ этомъ свидѣлствуетъ и самое заглавіе дополнительнаго Сказанія: „Той же первой исторіи послѣдуетъ ²⁾ второй сказаніемъ, иже въ первой скращено, здѣ же приполнено, и гдѣ въ первой полно, здѣ же скратно писано. Инаго творенія“. Другаго, самостоятельнаго заглавія Сказаніе не имѣетъ. Строевъ въ своемъ списокѣ озаглавилъ его такъ: „Дополненіе къ Исторіи Палицына неизвѣстнаго автора“. Присвоенное же Сказанію названіе „Инаго“ дано ему издателемъ И. Д. Вѣляевымъ. Если говорить о времени составленія Инаго Сказанія въ полномъ его составѣ, то слѣдуетъ относить его къ серединѣ или ко второй половинѣ XVII вѣка ³⁾. Но даже бѣглое знакомство съ памятникомъ убѣждаетъ въ томъ, что Иное Сказаніе составилось изъ нѣсколькихъ лѣтописныхъ повѣствованій разнаго времени и различныхъ авторовъ. Мнѣніе И. Д. Вѣляева ⁴⁾, что въ первоначальномъ видѣ Сказаніе „было доведено сочинителемъ, кажется, только до изгнанія поляковъ изъ Москвы“, остальное же принадлежитъ другому автору, — требуетъ существенныхъ поправокъ. Въ Иномъ Сказаніи болѣе двухъ самостоятельныхъ повѣствованій: оно весьма ясно разлагается на слѣдующія составныя части:

1) Повѣсть о времени Бориса Годунова и перваго самозванца, сохранившая всѣ признаки своей литературной самостоятельности и по внесеніи въ текстъ Инаго Сказанія (Временникъ, 1—38).

2) Собраніе правительственныхъ грамотъ о сверженіи самозванца и воцаренія Шуйскаго (Врем., 38—55).

¹⁾ № 1836. Писанъ полууставомъ, переходящимъ въ скорописъ, XVII в., въ 4-ю долю, на 333 лл. Иное Сказаніе находится на лл. 199—325. Къ нему приписанъ, на лл. 326—333, краткій родословецъ русскихъ государей. Рукопись принадлежала въ XVIII в. „Усольцу торговому человеку Михаилу Федорову смену Звагину“; пошито — крестьянину Федору Васильеву Кулѣшеву; въ Музей поступила въ 1878 г. отъ И. А. Вердичева.

²⁾ Предпочитаемъ чтеніе втораго изъ указанныхъ списковъ; въ списокъ Строева: „последнее“.

³⁾ Последнее извѣстіе Сказанія говоритъ о вѣнчаніи на царство царя Алексея Михайловича „въ лѣто 7154 (1645) сентября въ 28-й день“; списки же Сказанія несомнѣнно относятся къ XVII в.

⁴⁾ Временникъ Моск. Общества Ист. и Древн., кн. XVI, Матеріалы, предисловіе, стр. IV.

3) Повѣствованіе о движеніяхъ въ первое время царствованіи Шуйскаго, преимущественно же о движеніи Болотникова (Врем., 55—64).

4) Повѣсть о видѣніи, бывшемъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ въ 1606 г., вставленная въ предыдущее повѣствованіе (выпущена во Временникѣ).

5) Лѣтописныя замѣтки, тождественныя со статьями Хронографа второй редакціи (1617 г.), о взятіи Тулы царемъ Василіемъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство, чѣмъ и кончается Хронографъ 1617 года (Врем., 64—73).

6) Лѣтописныя замѣтки о времени царя Михаила Ѳеодоровича и о вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича (Врем., 73—80)¹⁾.

Для полной оцѣнки Сказанія слѣдуетъ ознакомиться ближе съ каждою изъ его отдѣльныхъ частей. Наибольшую важность имѣетъ первая изъ нихъ; къ ея обозрѣнію теперь и обратимся.

I. Главное содержаніе первой части Инаго Сказанія (мы будемъ въ нашемъ изложеніи называть ее Повѣстью 1606 года) составляетъ описаніе слѣдующихъ событій: 1) убійства царевича Димитрія, 2) воцаренія Бориса Годунова, 3) появленія самозванца, 4) борьбы самозванца съ Борисомъ и воцаренія самозванца, 5) дѣйствій самозванца противъ русской народности и православія, 6) сверженія самозванца и воцаренія Шуйскаго, и 7) перенесенія мощей царевича Димитрія въ Москву. Вся Повѣсть проникнута чувствомъ ненависти къ Борису и самозванцу одинаково и чувствомъ преданности Шуйскому. Всѣмъ повѣствованіемъ руководитъ желаніе показать, что и Борисъ, и самозванецъ получили скорое возмездіе за свои злодѣянія.

Какъ сказано, Повѣсть сохранила на себѣ полный отпечатокъ самостоятельнаго литературнаго произведенія. Отъ остальныхъ частей Инаго Сказанія она отдѣлена послѣсловіемъ, и смыслъ нѣкоторыхъ ея мѣстъ даже противорѣчитъ дальнѣйшему разсказу Инаго Сказанія. Въ концѣ Повѣсти выражается радость по поводу избавленія Россіи отъ самозванца и по поводу вступленія на престолъ „таковаго благочестиваго государя“ В. И. Шуйскаго, который не ведетъ своихъ подданныхъ въ погибель, какъ велъ ихъ Разстрига, но совращаетъ ихъ

¹⁾ Нѣкоторыя изъ составныхъ частей Инаго Сказанія уже указаннымъ А. Н. Поповымъ (Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 148—149). Въ спискѣ П. М. Отрочева есть въ концѣ нѣсколько ничтожныхъ приписокъ, сдѣланныхъ, очевидно, гораздо позднѣе владѣльцами рукописи.

съ пути погибельнаго и даже сподобился видѣть мощи царевича Дмитрія въ Москвѣ. О дальнѣйшихъ смутахъ времени Шуйскаго въ Повѣсти нѣтъ и помину; главное чувство писателя — радость о томъ, что смута миновала и притомъ такъ благополучно. „Слава единому премудрому жизнедателю Богу“, восклицаетъ онъ: „яко маломъ наказанъ ясь, но много помилованъ“ ¹⁾. Между тѣмъ дальнѣйшее повѣствованіе о смутахъ времени Шуйскаго, въ третьей изъ указанныхъ нами частей Инаго Сказанія, ведется уже совершенно въ другомъ тонѣ: радостному чувству нѣтъ мѣста; его заступаетъ сознаніе, что современники автора осуждены Богомъ „во тмочисленныя бѣды и различныя напасти пакы впасти по праведному Его суду Божию“ за то, что сами отпали отъ Него своими согрѣшеніями ²⁾. Описаніе многочисленныхъ возстаній противъ царя Василія, сознаніе силы мятежниковъ и слабости Шуйскаго дѣлаетъ преждевременнымъ и страннымъ радостное убѣжденіе Повѣсти въ окончаніи смуты. Очевидно, что лицо, составлявшее Иное Сказаніе, лишь механически соединяло его составныя части и не позаботилось сгладить ихъ взаимныя несогласія въ цѣльный рассказъ.

Счастливо уцѣлѣвшія частности Повѣсти 1606 года помогаютъ намъ съ достаточною точностью опредѣлять время и обстоятельства ея написанія. Если Повѣсть торжествуетъ вступленіе на престолъ Шуйскаго и перенесеніе мощей Дмитрія царевича въ Москву, но не знаетъ еще, что при царѣ Василіи смута не только повторится, но и разовьется съ болѣею силой, — значитъ, написана эта Повѣсть въ самомъ началѣ царствованія Шуйскаго. Время ея написанія слѣдуетъ полагать послѣ 3-го іюня 1606 г. (день перенесенія мощей царевича въ Москву), но до начала возстанія противъ Шуйскаго на югѣ, которое произошло не позже августа 1606 года ³⁾, и, конечно, до прихода Волотникова и Пашкова въ Москвѣ, который послѣдовалъ осенью того же года ⁴⁾. Объ этомъ приходѣ Волотникова и

¹⁾ Иное Сказаніе во Временникъ, XVI, стр. 35—37.

²⁾ Ин. Сказ., стр. 55—56.

³⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 149, стр. 316.—Изборникъ А. Н. Погова, стр. 331 (.... „того же 114 іюду... въ Украинныхъ, въ полескихъ и въ сѣверскихъ городѣхъ, учинилася прелесть и смута“,—значитъ, ранѣе 1-го сентября 1606 г.).

⁴⁾ Изборникъ А. Н. Погова, стр. 332. 2-го декабря 1606 г. мятежники были уже разбиты и прогнаны отъ Москвы. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 150 и № 151. Въ спискахъ Инаго Сказанія не сохранилось никакихъ хронологическихъ датъ, которыя указывали бы время написанія Повѣсти. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ